

Виноград в снегу

29 декабря

Сон ускользнул мгновенно, как только полоумным голосом заорал телефон. И мне пришлось прервать сладкое барахтание в утренней дремоте. Раз в кои-то веки никому не нужно нестись с утра пораньше, и тут обязательно какие-то садисты начинают названивать. Отключить бы его, да я панически боюсь потерять связь с дочерью: вдруг что-то срочное, а я не знаю... В трубке зарокотал знакомый низкий голос:

— Еще ты дремлешь, друг прелестный, пора, красавица, проснись! У нас тут мороз и солнце!

Врет Юрка насчет мороза и солнца. Может, мороз небольшой и есть, а солнца никакого не наблюдается. Хорошо, хоть снежок выпал. Прикрыл серость и грязь. Я вздохнула и проснулась окончательно.

— Юрочка, ты чего хочешь-то?

— Тебя, мой свет, хочу... Тебя, ласковая моя.

Ну-ну. Меня он хочет. В такую рань? Я, честно говоря, сейчас хочу только одного — чаю, бутерброд и свежую газету. Но Юрка продолжает убеждать меня, что увидеться крайне необходимо.

— Ну, приезжай сюда... — нехотя предлагаю я.

— Котик, ты же знаешь...

Знаю я, разумеется, знаю. Юрка панически боится, что некий тайный агент застукает его возле моего дома или увидит его джип. И, конечно, перепишет номера и потом сообщит его супруге. Вообще-то, я тоже не хочу ничего такого. Вдруг Мыша придет домой раньше времени... Гостиницы тоже отпадают: Юрка считает, что его в лицо знают все администраторы города. Поэтому для наших встреч остается только квартира моей подруги Мили. Милиа по паспорту Милисента. Так обозвала ее мамочка. Поскольку отцом являлся некий уроженец

Мозамбика, мама решила, что для темнокожей дочурки что-нибудь почуднее будет в самый раз. Как будто ей с цветом кожи проблем не хватало. Хвала небесам, теперь ее проблемы в прошлом. У Миля с ее голосом и внешностью вечные гастролы в джазах Европы... А ключи она оставляет мне. С тех пор как Юрка три года тому назад стал моим любовником, мы и встречаемся в Милиной квартирке, точно по графику ее гастролей... Юрочка со своими доходами мог бы снять квартиру, а то и целый дом, но уж я-то знаю, какой он жмот... Да и вообще, мне на него сетовать грешно: держать в любовницах сорокалетнюю тетку, когда вокруг молодых и красивых хоть отбавляй. Я ведь с самого начала ни на что не претендовала. Просто заело одиночество. А Юрку я знала по своей прежней работе, и как-то все получилось само собой. Правда, после каждой нашей встречи я вяпываюсь в депрессняк и решаю, что уж это-то было в последний раз. А после он снова звонит, и я бегу на свидание, как собачонка. Вот и на сей раз сладкое лежание и поедание бутерброда прямо в постели отпадают. Вместо утренней неги — резкий душ, молниеносный макияж и одевание в темпе учений спецназа...

Миля живет недалеко от меня, и можно не терять времени на отлов тачки, а дойти пешком. Краем глаза успеваю заметить, что мое любимое дерево, огромный ясень, покрылось инеем и его белые ветви закрывают полнеба. И смутное воспоминание о том, что я видела сегодня удивительно красивый сон, настигает меня. Вроде бы было в нем что-то, связанное с зимой и снегом, и кто-то рядом со мной был в этом сне. Был мужчина, родной, самый близкий... А кто? Не вспоминается. Наверное, так... собирательный образ. Юрочка выскакивает из машины и пробегает мимо меня в подъезд как незнакомый: конспирация. В квартире он так же быстро раздевается, как я давеча одевалась. Все прочее обычно занимает час. И час на разговоры. Разговоры посвящаются Юрочкиным семейным делам. А я выслушиваю его, глядя в глаза с преданностью домашнего животного. Но сегодня что-то меня сковывает. Я стою посреди комнаты, наблюдая за своим любовником, бегающим по комнате в беленьких

трусах, и на меня накатывает волна злобы. Все выглядит, словно в фильмах моей молодости. То ли в «Москва слезам не верит», то ли в «Вокзале на двоих»...

— Что ты стоишь? — удивляется Юрка. — Раздевайся, я же опоздаю!

Я молча подхожу к окну. Пытаюсь настроить себя на любовную близость. Произношу внутренний монолог, который мне обычно помогает: «Юлия, ты взрослая женщина. Тебе уже не двадцать, и даже не тридцать. Тебе тридцать девять. Пора выбросить из головы все эти романтические враки, не нужно усложнять то, что просто жизнь. Да, он женат. У него семья. А ты ничего плохого не делаешь. Всего лишь занимаешься сексом». Но на сей раз монолог не помог: я не хотела ложиться в эту постель. Не хотела слушать его рассказы про жену и сына. Я хотела прижаться к кому-то родному и поплакать. Юрочка начал злиться.

— Юля, прекрати. Ты же понимаешь, начинаются праздники. И мы сможем увидеться не скоро. Давай в этом году не ссориться. Ты же у меня хорошая девочка.

Слова о «хорошей девочке» срабатывают, и я начинаю раздеваться. Юра закрепляет успех, притиснув меня к себе. От него пахнет хорошей туалетной водой и немного холодом... Он вообще хорош: слегка отяжелевший сорокапятилетний красавец со значительным лицом начальника. Похоже, я сдаюсь. Но тут Юрочка торопливо подталкивает меня к постели, и я снова впадаю в ступор. Руки повисают вдоль тела. Ноги заплетаются.

— Да не хочу я, черт возьми! Ничего не хочу! — шепчу я.

Юрка садится на край кровати, и я вижу, что его лицо становится решительным и собранным: он обнаружил препятствие и сейчас будет его устранять.

— Юльчик, какая муха тебя укусила? Давай разберемся! Я что-то не то сказал? Или сделал? Мне так хотелось увидеться с тобой перед Новым годом... Подарок тебе принес.

Он рысит в прихожую и достает из кармана пальто пакетик. В нем маленький флакон «Кензо». Я невольно улыбаюсь. Все-таки еще не родилась женщина, способная не оттаять

при виде духов в красивой упаковке. Юрочка удовлетворенно кивает, видя мою реакцию, и говорит:

— Еще часик есть. Иди сюда.

Он привык добиваться своего. Но не на этот раз. Потому что я ставлю флакончик на стол. Надеваю куртку и выхожу.

— Дверь захлопнешь, — говорю я.

Проходя мимо ясеня, я опять вспоминаю сон. Кто бы мне ни снился, это был явно не Юрочка.

Дома я принимаюсь за уборку. Самое плохое теперь — это сидеть и терзаться сожалением. В Мышиной комнате дикий бардак. Свалены в кучу юбки, платья, кассеты и диски. Чтобы было повеселее, включаю музыкальный центр. Купила вместо зимних сапог: Мыша ужасно хотела нормальный звук. Звук нормальный. Земфира поет. Моя дочь Маша, по-домашнему Мыша, слушает Земфиру, «Раммштайн» и какой-то рэп... А я — Веронику Долину, «Наутилус» и всякое старье из итальянской эстрады времен моей учебы в школе. Мыша — кошмарная эгоистка. Она врубает свой «Раммштайн» на полную громкость, утверждая, что, если этих уродов включать тише, пропадает смысл слушания. Поставить сейчас любимую Веронику я не рискую: раскисну совсем. А до Нового года всего ничего. Надо убрать это Мамаево побоище. «О поле, кто тебя усеял...» пою я в унисон Земфире и понимаю, что испытываю облегчение, оттого что не стала предаваться любовным утехам с Юрочкой. Конечно, мои подруженици — и Миля, и Люська, и Танька — сочтут меня полной идиоткой, но мне осточертел этот секунд-хэнд-овский секс, «из вторых рук, по сходной цене». Что скажет Люська, я знаю заранее. «Ты сколько лет одна просидела? Десять? И остаток жизни просидишь так же. Машку все жалела! Ах, чужой мужчина в доме! Ее хрупкая психика не перенесет. А теперь она носится где-то целыми днями и вечерами, а ты сидишь одна. Юрочка, по крайней мере, — надежный вариант». Миля, красавица наша, вздохнет и молвит совершенно простонародным тоном, что при ее экзотической внешности выглядит дико: «Мужики, Юлька, все одинаковые... Козла на козла менять — только время те-

рять». Танька грустно поглядит в сторону и пропищит: «Ты счастливая, Юлька: у тебя и ребенок есть, и любовник постоянный...» Правду скажут мои подруги. Потому что все так и есть. Я сама отказывала всем поклонникам. Мне казалось, что для Мыши чужой мужчина в доме будет страшной травмой, ведь она ужасно нервная. А она ревновала меня ко всем, я даже в сторону чужого ребенка смотреть боялась: Машка начинала реветь, если я гладила какого-то малыша по головке... А уж мужчину в дом я привести не смела... Сначала не смела, а теперь уже поздно. Впрочем, я действительно счастливая. У меня есть Мыша, дом, любимая работа...

Нахожу посреди учебников и вороха колгот альбом с фотографиями. Зачем он понадобился Мыше? В альбом заложена пачечка писем. Из дома, от моих родителей. Старые, еще до того, как они переехали на Урал, к брату. Ах да, вспомнила... Я купила альбомчик и перекладывала в него старые фотографии. Годами они валялись просто так. А Машка взялась их разглядывать. Дулась, увидев себя крохотную в неподобающем, по ее мнению, виде. Например, на горшке. А мы с ее отцом тогда восхищались каждым ее действием и щелкали все подряд. Может, это он, Машин отец, мне сегодня снился? Ведь когда-то было оно, это счастье. И свет в родном окне, и слова слаще меда. Но как давно это было... И как недолго. Начинаю машинально рассматривать снимки. Ага, вот этот, где я в нелепом зимнем пальто на фоне деревянного дома. За пять лет до рождения Маши. Еще там, в далеком родном городе, за тридевять земель отсюда. Именно эта фотография вызвала интерес у Машки. Наверное, потому, что я на ней такая счастливая, что больно смотреть... Пришлось рассказать немного про ту жизнь. Миллион лет назад. В эпоху Павла. Собственно, по-настоящему правдиво рассказывать нельзя. Я же мама — существо если не бесполое, то, безусловно, целомудренное. Мое прошлое должно быть белоснежным и чистым, как снег.

Ах, какой снег выпал в тот год в нашем захолустье! Какой дивный, нежный, утешительный снег! Именно в этом доме мы встречали тогда Новый год. Дом принадлежал Пашиной

семье. Внутри была старинная мебель. Старые книги. Печь с изразцами. Обычный дом неродовитых дворян или зажиточных мещан девятнадцатого века. Только в средней полосе России, где не было войн, и можно встретить такие дома... словно великие воды всемирного потопа пронеслись над ним, не тронув ни единой вещи, не потревожив даже воздух внутри, и сомкнулись, и оставили этот дом в своей глубине, и давнее время тоже сохранилось в нем нетленно... Войдя в комнаты, я почти тронулась умом от желания там жить. С ним жить. Потому что любила его уже два месяца. С тех пор, как нас познакомили. И по сию пору, когда я произношу слово «счастье», перед глазами встает этот дом с маленькими окошками в частом переплете, застекленная веранда, увитая виноградной лозой, и особый, мягкий свет в комнатах с низкими потолками... А в тот предновогодний день счастье стояло так близко от меня, что я чужая его дыхание. Да что там! Оно, это счастье, держало меня за руку, и, ведомая им, я двигалась и говорила так свободно и красиво, как никогда в жизни. Любовь моя, снег мой чистый, родные серые глаза... Вспоминая их, я плачу и теперь, как много лет назад...

Машка приходит, как приходит ураган. Сапоги летят в один угол, дубленка — в другой. Музыка врывается на всю громкость. Холодная котлета съедается на ходу, а затем жирными пальцами она хватается за новый журнал. Я стоически терплю все это в течение получаса. Но когда Мыша, не сняв дорожной джемпер, заваливается на диван с очередной котлетой, я не выдерживаю.

— Сними джемпер! Опять будет жирное пятно!

— Мне некогда. Поем и побегу.

— Куда это ты побежишь? Мы же договорились: сегодня уборка.

— Я занята. Что за идиотизм — обязательно затевать генеральную уборку перед праздником? Праздник — это отдых.

— Это у тебя отдых. А у меня в будни нет времени, значит, надо убирать в выходные... И не ешь на диване. Можно же сесть за стол. Его для этого придумали.

— А ты сама? Ты сама ешь лежа. Я видела.